

Мария Зарская

**Радость —
в награду**

Мария Барская

Радость – в награду

«Антон Иванов, Анна Устинова»

Барская М.

Радость – в награду / М. Барская — «Антон Иванов, Анна Устинова»,

Всю жизнь Нику сопровождала любовь: сначала родителей, затем заботливого мужа, потом милого сыночка. И казалось, что чувство это будет длиться вечно. Все неожиданно рухнуло в одночасье. Трагедии, которые посыпались на Нику как из рога изобилия, сломили ее дух, и она решила распрощаться с жизнью. Но вмешалась случайность. Она не только спасла женщину, но и вернула ее волю к жизни, дала силы бороться за правду. Именно случай позволил Нике раскрыть в себе те таланты, которые дремали в благополучную пору ее молодости. Благодаря им она завоевала свое место в жизни и, главное, встретила человека, который сделал ее счастливой.

© Барская М.

© Антон Иванов, Анна Устинова

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Барская

Радость – в награду

Глава 1

Старое кладбище утопало в снегу. Огромные медлительные пушистые снежинки заполнили город мертвых от земли до шинельно-серого неба и продолжали кружиться и падать. Толстым белым покрывалом они легли на могилы, соткали саваны на ветвях деревьев и окутали округу глухой, непроницаемой тишиной.

Ника шла по знакомой дорожке. Снег под ногами слегка поскрипывал, и это был единственный звук, вторгавшийся в полное до неправдоподобности беззвучие. Вокруг, кроме нее, ни души, хотя дорожку кто-то почистил. Впрочем, вскоре Нике пришлось свернуть в сторону и, по щиколотку утопая в снегу, пробираться сквозь узкий проход между оградами.

Она остановилась возле одной из них, раскидала сапогами снег и, с трудом отворив калитку, шагнула внутрь, к высокому надгробию из серого мрамора. Метель успела основательно потрудиться, и Нике пришлось как следует поработать детской лопаткой. Очистив наконец плиту, она развернула газету и разложила алые розы. Они полыхнули кроваво-красным на сером мраморе.

Ника сбросила лопаткой снег со скамейки и села, расстелив газету, в которой принесла цветы. Теперь ее взгляд был прикован к фотографии на камне. Четыре любимых лица. Папа и мама ушли из жизни полтора года назад, и, как Нике ни было горько, она уже успела смириться с утратой. Умерли они не очень старыми, но все-таки людьми пожилыми. Если и не душой, то умом такое принять можно. К тому же у Ники тогда были муж и сын. Не одна на свете оставалась.

Но ведь теперь-то и Севочка, и Андрей тут лежат, под могильной плитой. И с этим она никак смириться не может. Как смириться со смертью шестилетнего мальчика! Севочка этой осенью только должен был пойти в первый класс. Андрей и не смог. И теперь лежит рядом с сыном. А она, Ника, здесь. Одна. Совсем-совсем одна.

Не сломайся Андрей, она, возможно, и выдержала бы. Смогла принять удар судьбы. И, может быть, в конце концов поняла бы, зачем Бог послал им с мужем столь страшное испытание. Но без Андрея жизнь окончательно потеряла смысл. Не для кого и незачем больше бороться. Да она и не хочет. Ни сил, ни желания нет. И главное, никакого смысла. Все четверо, составлявшие смысл ее жизни, покоятся здесь. Так зачем же тогда ей оставаться среди живых? Жизнь кончилась, пора ставить точку. Именно сегодня она это и сделает.

Только вот прежде попрощается с ними. Попрощается здесь в надежде на скорую встречу *там*. Хотя кто знает, что ждет ее *там* после того, что она собирается сделать? Да и ждет ли вообще что-нибудь? Но лучше даже небытие, чем тоска, снедающая ее на земле. Тоска безысходная; ей нет и не может быть конца, ибо счастье, которое было у Ники, ушло навсегда вместе с дорогими людьми.

Раньше Ника даже не понимала, что была счастлива. Счастье было естественным состоянием ее жизни. Она просто жила как дышала. Поздний ребенок, единственный и желанный. Родители обожали ее. Ника для них была всем. Самым главным, для чего они жили. Она купалась в любви.

Утром ее будил ласковый голос матери:

– Никуля, вставай, звездочка моя. Поднимайся, моя красавица. В детский сад пора.

Несмотря на родительскую любовь и на то, что ей все позволяли, она была на удивление не избалованной, а ласковой и покладистой девочкой. И хотя в детский сад ей идти хотелось не всегда, Ника знала, что это ее работа. Ведь папа и мама каждый день ходят на службу. А им тоже не всегда этого хочется. Но они должны, потому что там зарабатывают деньги, на которые потом можно купить много-много интересного и вкусного. Значит, и Ника должна ходить в детский сад, чтобы папа с мамой могли ходить на свои работы. Они же не могут оставлять ее дома одну.

И папа вел Нику за руку в детский сад и, чтобы ей не было скучно, каждое утро рассказывал сказки про дружное семейство бобров. Каждый день по новой истории, которые были замечательны тем, что их хватало ровно на время пути – от подъезда их дома до крылечка детского сада.

Вечерами Нику забирала мама. Она ничего не рассказывала, наоборот, слушала дочь, а та взхлеб делилась впечатлениями, ибо за день в детском саду успевало произойти множество всего потрясающего.

Зато по выходным родители поступали в полное Никино распоряжение. Позавтракав, папа бросал на дочку взгляд с хитрецей и нарочито медленно, словно раздумывая, произносил:

– Ну, Никочка, куда мы с тобой сегодня пойдем? Что нам с тобой больше всего хотелось бы увидеть?

Ника, замерев от предчувствия чего-то необыкновенного, смотрела на него. Папа лез в карман полосатой пижамы и, изобразив удивление, восклицал:

– Что у меня тут лежит? Кто мне туда что-то положил? Надя, – поворачивался он к жене. – Твоя работа?

– Ничего, Леня, не знаю, – скороговоркой отзывалась она.

– Значит, домовый. Посмотрим, что он на этот раз нам подкинул.

И «домовой» никогда не обманывал Никиных ожиданий. То это был билет в детский театр, то в цирк на Цветном бульваре, а в Новый год – приглашение на елку у папы или у мамы на работе, а когда Ника немного подросла, елки уже бывали в Кремле, Лужниках, Дворце пионеров на Ленинских горах... Ника везде побывала. На всех детских спектаклях, во всех театрах Москвы, в обоих московских цирках. А уж про кино и зоопарк вообще говорить не приходится.

Когда она подросла, пошла в школу и перестала верить в существование домовых, их «домовой» все равно продолжал приносить каждые выходные билеты в самые разные, но неизменно удивительно интересные места. Теперь Ника ходила на выставки, на концерты, модные спектакли. И уже отнюдь не всегда с мамой и с папой, а часто с какой-нибудь из подружек, которых у веселой, компанейской и доброжелательной Ники было великое множество. В классе ее тоже любили – и ребята, и учителя. Большая, между прочим, редкость. Как правило, любят либо те, либо другие. Однако Ника умела к себе расположить. Вероятно, потому, что никому никогда не завидовала, а когда могла, с удовольствием старалась помочь. Ей это было не в тягость. Просто казалось естественным. Наверное, потому, что именно так всегда поступали ее мама и папа.

Чем Ника только не занималась в детстве! И на фигурное катание ходила, и в танцевальную студию, и в кружок кройки и шитья. Причем шитье было тесно связано с танцами. Сперва костюмы для танцев Нике шила мама. Очень красивые. Настолько красивые, что Нике захотелось самой научиться шить. Вот и пошла осваивать премудрости кройки и шитья.

Вообще папа и мама никогда не заставляли ее что-то делать насильно. И хотя считали ее самой лучшей девочкой на свете, никогда не стремились, подобно иным любящим родителям, сделать из нее гения. Мол, мы в тебя столько вкладывали, и ты обязательно должна оправдать наши усилия. Любовь их к дочери отличалась полным бескорыстием. Они были счастливы, что

она у них есть, и по мере возможности стремились обеспечить ей радостное и безмятежное детство.

А людьми-то они были не слишком обеспеченными. Обычные советские инженеры. Лишь став взрослой, Ника поняла, чего стоили многие ее радости. Папа почти постоянно брал дополнительную работу на дом. Когда Нику укладывали спать, он еще сидел, склонившись над кульманом. И она из своей комнаты слышала мерный звук: «Скрип-скрип-скрип-скрип» – это папа подчищал лезвием бритвы неправильно начерченные линии. А Нике в этом поскрипывании слышалось: «Спи-спи-спи-спи...» Она и засыпала. А папа работал иногда до раннего утра, чтобы, поспав всего часа три, отправиться на службу.

Зато по воскресеньям у них неизменно появлялись билеты от «домового», а летом Нику обязательно вывозили на юг, где она самозабвенно купалась в море и съедала много фруктов. И никогда, ни разу в жизни она не слышала от родителей ни жалоб на трудную жизнь, ни тем более назидательных речей о том, как тяжело им что-то достается. Они работали в охотку и тратили заработанное легко, с удовольствием, не сокрушаясь, что у них нет, как у многих знакомых, машины или садового участка. Зачем им это, когда они есть друг у друга, а рядом обожаемая дочка, и они в любой момент могут поехать куда угодно. Хоть по всей стране путешествуй. Это ведь гораздо интереснее, чем просиживать каждое лето на одном и том же месте.

После школы Ника поступила в Текстильный институт, однако к моменту, когда его окончила, технология производства тканей мало кого интересовала, ибо тканей в стране производилось все меньше и меньше, а их место занимал импорт, завозимый неутомимыми «челноками». Да и зарплаты, которую предлагали выпускнику института, хватало разве что на одну наволочку.

Никина мама к этому времени уже успела уйти с работы, ибо на их с отцом заработок прожить стало абсолютно невозможно, и устроилась в кооператив, где шили самые разные модные вещи. Ника, получив диплом, устроилась туда же. Это позволило им выжить, а отцу не бросать свое любимое КБ.

Потом кооператив неожиданно закрылся, и Ника с матерью перебрались продавщицами в магазин, который торговал всем, начиная от импортных продуктов питания до одежды и обуви. На это тоже можно было прожить. Только вот вечерами после работы – магазин закрывался поздно – возвращаться домой было страшно. Их встречал папа; он неизменно сетовал:

– Никогда не думал, что на старости лет сяду на шею жене и дочери.

Ника возмущалась:

– Как тебе не стыдно. Ни у кого ты на шее не сидишь. Просто время такое трудное.

Отец усмехался:

– Был бы чуть-чуть помоложе, подался бы в «челноки».

– Только этого тебе, Леня, в жизни и не хватало, – хмурилась мать.

– А что такого? – пожимал плечами отец. – И мир посмотрю, и денег заодно заработаю.

И, уйдя в отпуск, он попробовал. Из всего мира он повидал только Польшу, да и то мельком. Повез он туда с напарником из своего же КБ тайными путями и с большим трудом добытые велосипеды, которые вроде бы у поляков хорошо шли. Однако к приезду Никиного отца с компаньоном конъюнктура рынка изменилась, и велосипеды брали крайне неохотно. С трудом удалось их пристроить оптом практически по себестоимости. А местный ширпотреб, который они закупили на вырученные деньги, до Москвы так и не доехал. В Белоруссии их обокрали, и Ника с матерью целых полгода отработывали папины долги.

– Черт с ними, с деньгами. Слава богу, хоть живой вернулся, – сказала по этому поводу мама.

Торговать в магазине Нике не нравилось. И когда институтская подруга Олеся Коршунова предложила ей совершенно неожиданное занятие – работу в рекламном агентстве, она

уцепилась за это обеими руками, хоть и не имела ни малейшего представления о том, что придется делать. Ника была готова на все, лишь бы выбраться из опостылевшего магазина.

А Олеся еще и уговаривала:

– Соглашайся, соглашайся. Очень перспективно. Чем больше будет товаров, тем больше потребуется рекламы. Сейчас она только начинается. Брат говорит: «Если не зевать и вовремя влезть, потом будем на коне».

В этот момент Нику даже не волновало, что станет потом. Зато сейчас очень хотелось сменить род занятий. К тому же подруга ее заверила:

– В нашей стране абсолютно все о рекламе имеют смутное представление. Так что ничего страшного. Будем осваивать дело на практике.

– А маму мою нельзя взять? – закинула удочку Ника.

– Вот это, пожалуй, нет, – смутилась Олеся, – нам нужны только молодые.

В результате мама осталась в магазине, а Ника ушла в агентство, которое организовал старший Олесин брат. Оно оказалось совсем маленьким, и поначалу ей пришлось стать мастером на все руки. Она и клиентов выискивала, и разрабатывала с ними рекламную кампанию, и саму рекламу придумывала, и сама ее размещала. Не работник, а человек-оркестр.

Кого-то, может, такое и раздражало бы, а Нике, наоборот, нравилось. В особенности после нудной и монотонной работы за прилавком. Тут, в агентстве, успех во многом зависел от ее сообразительности, умения убедить заказчика. Приходилось на ходу импровизировать, придумывая веские аргументы, и Ника все сильнее втягивалась в новую работу и даже, можно сказать, находила в ней себя. Время было такое, многие искали новое, и Ника чувствовала себя частью нового времени.

Да и заработки нельзя было даже сравнивать с теми, которые она получала в магазине. Ника работала на проценты от сделки. Чем больше находила клиентов, тем больше получала. И так вышло, что в агентстве она нашла не только работу, которая нравилась, но и любовь. Главную и единственную любовь в своей жизни, ибо легкие, быстро проходящие влюбленности, которые случались с ней до сих пор, как бы и не считались.

Однажды к ним явился новый клиент. Ника была в то утро в полной запарке. От нее срочно потребовали отчет о завершившейся вчера крупной сделке, и она сосредоточенно его писала. Подняла она голову, лишь услышав робкое:

– Здравсьте. Мне сказали, что нужно к вам.

Ника глазам своим не поверила. Невероятно, но он стоял перед ней. Именно таким, точно таким, она представляла себе мужчину, которого полюбит. Именно его черты она искала во всех прежних своих увлечениях, но находила лишь отчасти. Именно так Ника описывала его в девичьих анкетах, которыми они с подругами увлекались в старших классах школы. Нет. Такого не может быть!

Ника крепко зажмурилась и снова открыла глаза. Он по-прежнему стоял перед ней, протягивая визитную карточку.

– Мне сказали, что нужно к вам, но, может быть, я не вовремя? – вновь робко заговорил он.

Она не отвечала. Она смотрела на него. Темные коротко стриженные волосы. Высокий лоб. Серо-зеленые большие глаза с тяжелыми веками, плотный короткий нос, рот крупный, с резко очерченной линией губ. И сам незнакомец высокий, стройный. Плечи широкие, а бедра узкие, достоинства фигуры подчеркивали модный пиджак трапецией и обтягивающие джинсы. И голос у него замечательный – низкий, мягкий, будто бархатный.

– Я не вовремя? А может, вам плохо? Водички? – Теперь он смотрел на нее с нескрываемым испугом.

– Не надо водички. Мне хорошо, – пролепетала она. – Я просто так... задумалась.

«Возьми себя в руки! Сейчас же возьми себя в руки, иначе ты все погубишь. – Ника как раз недавно прочла книгу по аутотренингу и действовала согласно совету ее автора, как успокоиться в критической ситуации. – Сделай вид, будто тебе все равно. Он ведь просто клиент. И вообще успокойся: такой мужик наверняка женат. А если даже это и не так, ты его сейчас своим вытаращиванием напугаешь, и он сбежит. Тогда, глупая Ника, не будет тебе ни мужа, ни клиента...»

Процесс аутотренинга немного помог, комок в животе разжался. Видимо, это заняло какое-то время, потому что клиент окончательно потерянным голосом произнес:

– Нет, я все-таки явно не вовремя. Придется в следующий раз.

– Напротив, вовремя! – рявкнула Ника и сама испугалась своего голоса. Скрывая смущение, она срочно закашлялась. – Садитесь, пожалуйста, – прохрипела она сквозь кашель.

Однако красавец-мужчина продолжал стоять столбом, хлопая пушистыми ресницами.

– Может, все же водички? Вы только скажите. Я принесу.

– Не надо, – окончательно сумела взять себя в руки Ника. – Садитесь. Я вас внимательно слушаю.

– Вот. – Он протянул ей визитную карточку.

Ника на сей раз ее взяла, однако перед глазами плыло, и она с трудом сумела разглядеть только имя, отчество и фамилию: Андрей Викторович Силаев.

– Я вас внимательно слушаю, Андрей Викторович, – проговорила она, и голос ее предательски дрогнул.

– Но мы с вами вроде по телефону договаривались, – как-то крайне неуверенно произнес он.

– Разве? – глупо ухмыльнулась Ника и, вновь прибегнув к помощи аутотренинга, попыталась взять себя в руки: «Не будь идиоткой, ведь действительно потеряешь клиента! Кто же он такой? Ага...»

Аутотренинг опять помог. Более мелкие буквы перестали плясать и наконец сложились в слова: «АОЗТ «Офис-стайл». Президент». Это фирма, торгующая офисной мебелью. Три дня назад она с ним и впрямь договаривалась о встрече, но из-за проклятого отчета, который почему-то срочно потребовался генеральному, совершенно из головы вон.

– Вы Вероника Леонидовна? Я ничего не перепутал? – тем временем поинтересовался президент фирмы «Офис-стайл».

– Нет, нет, Андрей Викторович, ничего вы не перепутали. – Ника даже нашла в себе силы ему улыбнуться. – Я помню наш разговор. Просто у нас сегодня такое уж напряженное утро выдалось...

– Неприятности? – Он насторожился.

– Что вы, что вы, – поспешно стала разуверять его она. – Дела у нас идут великолепно. Может, даже слишком великолепно, потому что из-за этого слишком много заказов и работы. Но все равно наша фирма вам очень рада.

Несмотря на смятенные чувства, Ника автоматически отметила: услышь ее речи генеральный, наверняка остался бы доволен.

– Тогда, может, это... к делу приступим? – неуверенно осведомился Андрей Викторович.

– Разумеется! – пылко воскликнула Ника и мигом почувствовала, как от смущения загорелись щеки.

«Этого еще не хватало! Он и так уже, по-моему, считает меня сумасшедшей!» – пронеслось у нее в голове.

Андрей Викторович тем временем, по-прежнему бросая на нее тревожные взгляды, принялся излагать суть дела. Их фирма торговала офисной мебелью, которую закупала в Польше. Сначала товар у них уходил влет. Только успевай подвозить. Но в последнее время продажи начали падать. Вот они с компаньоном и решили поднять их с помощью современных методов.

Слушая его, Ника наконец-то сумела справиться с собой и настроиться на деловой лад.

– Вы совершенно правы, Андрей Викторович. Без рекламы теперь никуда, и чем дальше, тем это сильней будет ощущаться.

– Я тоже так думаю, – согласился он. – Конкуренты появились. И рынок все больше и больше насыщается. Вот мы с компаньоном и думаем: как бы получше привлечь внимание.

– Мы постараемся вам помочь, – заверила Ника. – И очень надеемся на длительное сотрудничество. Кстати, постоянным клиентам уже со второго заказа у нас предусмотрена система значительных скидок.

– Нам бы сперва хоть первый осуществить, – осторожно заметил Андрей Викторович. – А то вдруг никакого эффекта не будет.

– Будет. Обязательно будет. Вы обратились к профессионалам.

Андрей Викторович смутился:

– Нет, Вероника Леонидовна, я не в том смысле, что по второму разу не обратимся. Но давайте все-таки начнем с первого.

И они начали обсуждать условия договора.

Концепцию рекламной кампании Ника разработала за один день. Генеральный бы точно остался недоволен подобной скоростью. Он неизменно повторял: «С клиентом ни в коем случае нельзя торопиться. Мы должны показать ему, что делаем очень трудную работу, требующую огромных затрат сил, времени и кропотливого труда. Работу надо выполнить точно в срок, но ни в коем случае не раньше. Лучше даже чуть-чуть запоздать. Это тоже производит на заказчика впечатление. Но совсем чуть-чуть. Сильная задержка обозлит клиента. А маленькая, наоборот, докажет ему, что он не переплатил и деньги его отработали на все сто, а то и на сто пятьдесят процентов. Если же вы выполните работу вместо недели за день, заказчик почувствует себя обманутым. Такие бабки выложил, а там и делать-то нечего».

Все в рекламном агентстве обычно неукоснительно придерживались «золотого правила генерального». В том числе и Ника. Однако на сей раз ей так захотелось скорее увидеть красавца-президента, что, едва справившись с отчетом, она с головой ушла в рекламный проект и на следующее же утро с гордостью объявила:

– Андрей Викторович, все готово, можете приезжать.

– Так быстро? – в голосе его звучало изумление. – А я тут вот сам хотел вам звонить, чтобы внести кое-какие дополнительные уточнения.

– Вот и прекрасно! – вырвалось у Ники. – Приезжайте, посмотрим, а если что надо, уточним.

– Тогда я прямо сейчас.

И спустя двадцать минут он уже сидел перед Никой.

Дальше дело застопорилось. С одной стороны, ему вроде бы все нравилось. Но с другой – он постоянно вносил какие-то поправки, сомневался, затем снова передумывал, после чего у него возникали новые сомнения и предложения. Нике приходилось встречаться с ним каждый день.

У нее ни разу еще не было такого трудного клиента, однако это не вызывало в ней раздражения. Наоборот, с каждой новой встречей она все сильнее боялась, как бы его наконец все не устроило, ибо тогда они могут больше не увидеться.

На четвертый раз Андрей Викторович сказал, что в офис приехать не может: очень плотный и сложный график. Поэтому он предлагает ей встретиться в ресторане. Они вместе пообедают, а заодно все обсудят. Так сказать, совместят приятное с полезным.

Олеся Коршунова сказала:

– Редкий зануда тебе попался. Небось на скидку набивается. С первого заказа хочет получить. Вот жмот. В ресторан ты, конечно, сходи. Только больше пяти процентов не скидывай. Иначе – ты моего брата знаешь.

Однако Ника была уверена: дело совсем не в скидке. На каждой новой встрече она с замиранием сердца все отчетливее подозревала, что, кажется, тоже нравится Андрею. Рекламный проект явно интересовал его лишь как предлог для очередной встречи с ней.

С каждой новой встречей разговоры их словно невзначай уходили дальше и дальше от рекламного проекта. Они говорили о чем угодно, кроме дела. Вскоре Ника знала, что Андрею уже тридцать лет, он тоже бывший инженер, который теперь переквалифицировался на торговлю мебелью. И главное, он не женат. Не женат и никогда не был. Ника обрадовалась и одновременно заволновалась. С одной стороны, замечательно, что он свободен, но с другой, если он ни разу не женился, значит, привык. Ни одной в руки не дался, и на серьезные длительные отношения с ним рассчитывать трудно. Правда, Андрей совершенно не походил на человека, меняющего девушек, как перчатки.

Интеллигентный, заботливый, даже нежный. Совсем не тип наглого донжуана. Ну не было в нем ничего такого. Разбитного, что ли. Наоборот, он казался Нике немного застенчивым. Конечно, чужая душа потемки, и Ника, вполне вероятно, ошибается, однако она чувствовала себя с Андреем до того уютно и комфортно, будто они были знакомы не неделю, а гораздо дольше. И это при том, что между ними шесть лет разницы. Не ощущала Ника никакой разницы.

Рекламный проект в качестве предлога для встреч исчерпал себя очень быстро, и однажды Андрей признался:

– Видишь ли, Ника. – К этому времени они уже успели перейти на «ты». – Если честно, мне больше всего понравился твой первоначальный вариант. Но еще больше понравилась ты сама...

Он набрал в легкие побольше воздуха и продолжил:

– Так что, если ты не против, давай разделим совместную работу и личную жизнь. Кстати, сможем встречаться в два раза чаще. И на работе, и после. Не возражаешь?

– По-моему, это здорово! – воскликнула Ника.

Дальше их отношения начали развиваться стремительно, что, впрочем, не мешало успешному продвижению рекламного проекта. Скорее даже наоборот, способствовало. Во всяком случае, мебель у «Офис-стайла» стала продаваться гораздо лучше.

Какое-то время Ника с Андреем просто встречались. Затем он в самой торжественной форме, с цветами и шампанским, сделал ей официальное предложение, после чего она познакомила жениха со своими родителями. Андрей ужасно волновался, однако напрасно. Будущим теще и тестю он очень понравился. Только папа потом, после ухода Андрея, вздохнул:

– Ну вот и выросла окончательно наша дочка.

Ему в глубине души хотелось, чтобы она всегда оставалась маленькой.

– Па, хватит переживать! Вот выйду замуж, нарожаю кучу внуков и кину тебе нянчить. Еще пощады будешь просить.

– Не буду. – Он улыбнулся. – Мы по маленьким уже успели соскучиться. Правда, Надя? – повернулся он к жене.

– Правда, – кивком подтвердила она. – Давай, Никуся, рожай, пока у нас силы есть!

За Нику все радовались – и родные, и друзья. Все, кроме Олеси Коршуновой, устроившей ее на работу в агентство. Она обиделась:

– Что же это такое? Где справедливость? Фирму сделал мой брат, привела тебя в нее я, а мужика отхватила ты. Да еще какого! И собой красавец! И президент компании! И деньги у него есть. И квартира. И никаких родственников, которые стали бы вам мешать жить. И даже никаких бывших жен и детей от предыдущих браков. Где справедливость, я спрашиваю? Почему одним все, а другим ничего? Мне, например, за все время работы ни одного клиента, на которого можно глаз положить, не попало. А к ней, видите ли, сам пришел. И как ее любит! Светится весь!

Нике сперва показалось, что подруга шутит. Однако та повторяла этот монолог неоднократно, и выражение обиды на ее лице раз от раза усиливалось. Олеся всерьез завидовала, и с этим ничего нельзя было поделать.

Свадьбу справили шумно и весело. После все вспоминали: замечательно получилось. Наверное, потому, что у Ники с Андреем гуляла в основном одна молодежь – их друзья. Все расходы взял на себя Андрей, и щепетильные Никины родители постеснялись звать своих знакомых и родственников. А у Андрея родни в возрасте практически не было.

Весело отгуляли свадьбу и начали жить вместе. Ника перебралась от родителей на квартиру к Андрею и со свойственной ей основательностью начала вить семейное гнездо.

Глава 2

Андрей всегда хвастался:

– Когда Ника впервые меня увидела, она чуть не упала в обморок.

– А ты так испугался, что чуть не сбежал, – смеясь, отвечала она.

– Я не испугался, а притворился, чтобы не испугать тебя. Иначе ты все-таки упала бы в обморок, – не сдавался муж. – И никуда я бежать не собирался. Я что, дурак? Кто же от своего счастья бежит.

– Так уж сразу понял, что это твое счастье, – улыбалась Ника.

– Именно сразу, – убежденно продолжал Андрей. – Представляете, вхожу. Пустая комната. Два стола. За одним – девушка. Склонилась над клавиатурой. Вижу у нее только коротко стриженную темную макушку. А потом она голову поднимает: синющие глаза в пол-лица. И все, ребята, я умер. Смотрю на нее, а она сама почти умерла. Враз побелела. Даже эти хорошенькие пухленькие губки тоже белыми стали. И глаза уже чуть не закатываются.

– Прекрати сочинять! – возмущалась Ника. – Ну испугалась чуть-чуть от неожиданности.

– Не-ет, – с довольным видом басил Андрей. – Ты натурально собиралась грохнуться в обморок. Вот я свой мужской шарм-то и притушил, чтобы смягчить для тебя удар.

– Да, – наступала Никина очередь поехидничать. – Так притушил, что едва не перестарался, изображая из себя зануду и придиру. То ему, видите ли, не так, другое не эдак.

– Правильно. Если чувство серьезное, надо показать себя с разных сторон. И с положительных, и с отрицательных. Чтобы потом никаких неожиданностей и претензий.

– Ух, как мы были в себе уверены! – Ника шутя ударила его кулачком в плечо. – Все заранее рассчитали и распланировали. А если бы вы мне, милостивый государь, не понравились? Отошла бы девушка от первого шока и с сожалением убедилась бы: нет, вы совсем не то, что ей надо, а всего лишь павлиний хвост.

– Фу, как грубо! Я вам не какой-нибудь павлиний хвост, и мое мудрое поведение в период ухаживания красноречиво об этом свидетельствует. Я как раз старался показать все свои наилучшие стороны, чтобы потом не было разочарований.

Разочарований и не было. Андрей оказался именно тем человеком, с которым Ника мечтала связать свою жизнь и каким он показался ей с самого начала. Карманы у него не пухли от денег. Президент фирмы – звучало громко и эффектно, однако в то время практически каждый второй именовался президентом чего-нибудь. Доход при этом Андрей получал достаточно скромный.

Впрочем, на жизнь им с Никой вполне хватало. Да она и не была избалована достатком. Главное, они идеально подходили друг другу, и каждое утро, расставшись, с нетерпением ждали вечера, чтобы вновь оказаться вместе.

Вскоре после женитьбы на Нике дела у Андрея резко пошли в гору. Объемы продаж возрастали, и ассортимент расширялся в сторону более высокой ценовой ниши.

– Ника, ты мой талисман! – часто теперь повторял Андрей. – Тьфу-тьфу-тьфу, – суеверно плевал он через левое плечо, – боюсь сглазить, но, полагаю, скоро мы сможем улучшить наши жилищные условия. Не все же мне держать такую красавицу-жену в хрущобе.

– Да, по-моему, у нас и тут замечательно, – отвечала она. – Две комнаты на двоих. Куда больше?

– Во-первых, больше всегда есть куда, – не соглашался муж. – А во-вторых, не сегодня завтра у нас маленький появится, и я хочу, чтобы у него была большая светлая отдельная комната. И чтобы погулять ему было где. И чтобы школа хорошая рядом. А тут всего этого нету. И шоссе это ужасное под окнами. Вот подрастет, одного гулять отпускать придется, первая ведь

с ума будешь сходить от волнения. Нет уж, Никуся, надо перебираться. И, как только будет возможность, мы это сделаем. Обещаю тебе! Это моя задача. А твоя – родить нам наследника.

Свою задачу муж решил очень быстро. Они переехали в большую трехкомнатную квартиру в Сокольниках. Почти центр, но в то же время рядом парк, где замечательно будет гулять с маленьким. А когда он подрастет, в соседнем дворе есть хорошая школа. И даже детский сад совсем близко. Тоже, по слухам, вполне приличный. Хотя Ника заранее решила в детский сад ребенка не отдавать. Сама может себе позволить посидеть с ним, пока не пойдет в школу, и мама поможет. Они с отцом тоже ждут не дождутся внуков.

Дело оставалось за главным – родить. Вернее, зачать. А вот этого-то у Ники как раз и не получалось. При всех их с Андреем стараниях.

– Может, тебе с работы уйти? – какое-то время спустя начал волноваться он. – Устаешь слишком, вот организм и сопротивляется.

Ника отшучивалась:

– Когда мы с тобой вместе, ты, значит, стал замечать, что я устаю?

– Не начал, – вполне искренне отвечал Андрей. – Но просто твоя работа уже никому не нужна. Слава богу, я достаточно зарабатываю, чтобы содержать семью. Сосредоточься на главном.

Ника обиделась:

– Я работаю теперь не для денег, а потому что мне интересно. И, между прочим, если бы не наша реклама, неизвестно, как бы «Офис-стайл» сегодня себя чувствовал.

Однако она и сама уже не на шутку тревожилась. Два года, как они вместе, а детей нет и нет. И она тайком от мужа начала ходить по врачам.

Диагноз они поставили единодушно: абсолютно здорова. Ей посоветовали обследовать Андрея. Муж заметно расстроился, но возражать не стал: надо так надо. Ему безумно хотелось сына.

Врачи и его не разочаровали. По их мнению, с ним все было в порядке. «Почему же тогда нет детей?» – спрашивала Ника. Светила медицины лишь пожимали плечами. Мол, такое случается, а почему, сказать трудно. По всей видимости, какая-то несовместимость. Вероятно, временная. Наберитесь терпения.

А одна пожилая врачиха посоветовала Нике:

– Попробуйте сменить обстановку. Уезжайте с мужем куда-нибудь подальше. Другой климат, другая еда... Организм встряхнется, и вы переключитесь. Иногда помогает.

– А если не поможет? – с волнением взирала на нее Ника.

– Можно родить из пробирки. Вы молодая. Шансы хорошие. Ну или... – женщина многозначительно приподняла брови, – смените партнера.

– Я люблю мужа и разводиться не собираюсь! – вспыхнула Ника.

– Милочка, – улыбнулась докторша. – Для этого совершенно не обязательно разводиться. И, кстати, мужу сообщать тоже. Правда, повторяю, вы еще молодая. Есть шанс и так родить. А когда люди лет десять мучаются и уже отчаялись, то на все идут. И многие потом очень счастливы.

– Ну уж нет! – решительно возразила Ника. – Лучше вообще без детей остаться, чем так.

Она мечтала только об их с Андреем общем ребенке, а уж о том, чтобы его обмануть, вовсе не могло быть и речи.

– Да вас никто и не заставляет, – примиряюще проговорила докторша. – Вы спросили, я ответила. А уж как поступить – это ваше решение. Ваш муж, ваш ребенок...

Ника с Андреем решили последовать совету врача и сменили обстановку. Тем более что за два года совместной жизни им так и не удалось вместе куда-нибудь съездить. Вечно мешали дела. То у Андрея был завал работы, то они меняли квартиру, то делали в ней ремонт.

Они уехали в Египет и на целых две недели смогли забыть обо всем, кроме друг друга. Потом они часто ездили и всегда им было хорошо, но эта поездка запомнилась Нике особо. Она впервые попала за границу, и сравнение наших югов с заграничными в то время ошеломило. И условиями жизни, и качеством сервиса. Андрей позже говорил: «Хоть это и не политкорректно, но только там я почувствовал себя белым человеком». И Ника вполне разделяла его ощущения. Впрочем, главным для нее и для него был не сервис, а то, что они могли полностью сосредоточиться друг на друге. Ничто не отвлекало их от любви, и погода стояла великолепная, и море, чистое, теплое, в котором нежся хоть до заката – главное, конечно, при этом не обгореть! – и фрукты свежие, вкусные, и замечательный номер в отеле – все, все было словно специально создано, чтобы Андрей и Ника почувствовали себя на вершине блаженства.

А когда они возвратились в Москву, выяснилось, что Ника наконец забеременела.

– Ай да докторша, ай да умница! – не успевал повторять довольный Андрей. – Совет-то помог.

Ника в ответ улыбалась, а про себя думала: «Знал бы ты, милый, про другой ее совет, наверняка так бы ее не расхваливал».

Впрочем, что ей до советов циничной докторши. Плюнуть и забыть. Главное, у нее внутри растет ребенок. Их с Андреем ребенок. Интересно, сын или дочь? Самой Нике без разницы. Но все-таки лучше бы сын. Ведь его так хочет Андрюша.

Муж теперь просто сиял, не зная, как угодить Нике. И подобно большинству неопытных отцов, каждый день интересовался, как идет процесс роста.

– Уже шевелится? Нет? А когда начнет? Почему не скоро? Ох, как долго! Слушай, Никуша, по-моему, девять месяцев – это неправильно, но я согласен ждать.

Увы, не дождался. У Ники неожиданно случился выкидыш. Они это страшно тяжело пережили. Ну почему? Почему именно с ними? Они ведь так хотели ребенка. И вредного ничего не делали. Наоборот.

Сокрушаться, однако, им пришлось недолго. Через два месяца Ника опять забеременела. На сей раз Андрей был категоричен:

– Завтра же уходи с работы. Не ради меня, а ради нашего ребенка. Обойдешься как-нибудь без твоего рекламного агентства.

Ника возразить не посмела. Ребенок для них был превыше всего. Андрей теперь старался пораньше уходить с работы, чтобы побольше времени провести с Никой, однако и это не помогло. Второй выкидыш случился еще раньше первого.

Вердикт врачей был суров. Целый год ни в коем случае не беременеть. Пусть организм окрепнет, и только после этого можно попытаться вновь.

Ника была безутешна. Андрей по мере сил ободрял ее и старался доставлять ей как можно больше радости, но от Ники ведь не скроешь: ему тоже было тяжело. К тому же большую часть времени он проводил на работе, а Нике волей-неволей приходилось оставаться наедине со своими невеселыми мыслями.

Ну почему другие женщины рожают спокойно, легко и хоть каждый год. Вон Олеська выскочила замуж, немедленно забеременела и родила двойню. «За один раз на всю жизнь отстрелялась, – хвасталась она Нике. – Давай, давай, догоняй, подруга. Что это ты отстаешь?» Что на это ответишь? Действительно, ведь одним достаточно с мужиком рядом посидеть, чтобы тут же залететь. И детей им не нужно, а рожают. И чем сильнее не нужно, тем больше рожают. Вон в доме у них дворничиха. Одинокая, не замужем. И уже пятого носит. Все от разных отцов. Так, во всяком случае, говорят. Достоверно, правда, никто не знает. Дети у этой дворничихи растут, как котята на помойке. Она даже внимания на них не обращает. Все в доме ее жалеют, старую одежду детям дарят, подкармливают. Матери они не нужны, но она знай себе новых рожает, объясняя это тем, что аборт делать вредно. А у нее, Ники, все условия, чтобы ребенок был счастливым, только вот не получается. Почему такая несправедливость?

Сева родился, когда Нике исполнилось тридцать, и почти все девять месяцев беременности она пролежала в больнице на сохранении. Появление его на свет повергло Андрея и Нику в не знающую предела радость. У них наконец есть сын, их сын, с огромными синими Никиными глазами, и жизнь их отныне должна стать прекраснее прежней, и дорога, по которой пойдет их мальчик, всегда будет залита солнечным светом, и небо над головой будет таким же лазурно-аквамариновым, какое видели Андрей и Ника в Венеции прошлой осенью. Уж они постарались, чтобы все у их Севы в жизни было великолепно! И Никины родители были счастливы. Они тоже заждались внука, и, естественно, он им казался самым лучшим на свете, и вновь после большого перерыва приступил к работе «домовой».

Ника, наслушавшись всяких страшилок от своих многоопытных подружек, уже успевших родить, морально готовилась к самому худшему. Чем ее только не пугали!

У мальчиков вечно болят животы, и они почти круглосуточно плачут. Грудные дети обожают путать день с ночью. Днем они крепко спят, а ночи напролет бодрствуют, требуя того же от родителей. Но это еще не самый худший вариант. В конце концов можно отоспаться днем. Однако некоторые дети поспят полчаса, затем на пару часов устраивают крик, после которого еще полчаса спят, и все повторяется вновь до бесконечности.

Сева, по-видимому, оказался счастливым исключением. У Ники с ним не было никаких проблем. И ночами он крепко спал, и ел хорошо, и живот у него болел редко. Веселый и жизнерадостный ребенок, похожий на темноволосого ангелочка. С его появлением на свет жизнь всей семьи начала измеряться его достижениями.

Севочка начал поднимать головку!

Севочка научился переворачиваться на животик!

Севочка играет с погремушкой и весело смеется!

У Севочки появился первый зубик!

Севочка стал сам садиться!

Севочка начал ползать и устроил неслыханную панику, умудрившись заползти за спинку дивана и там затаиться. Андрей тогда так перепугался, что едва не побежал искать сына на улицу!

Севочка сказал первое слово: «Би-би!» – обнимая любимый красный пластмассовый грузовик.

Севочка наконец-то стал правильно всех называть: мама, папа, баба и деда. Мужчины были в полном восторге, потому что долгое время он их называл мамой либо бабой. Андрей и Никин папа дулись, как дети. Андрей терпеливо пытался его учить:

– Давай, Севочка, скажи: «Па-па». Понимаешь, папа. Я – твой папа. – Андрей тыкал себя пальцем в грудь.

Сын, внимательно и серьезно выслушав, басом произносил:

– Баба, – и залиvisto смеялся.

– Неправильно! – всерьез расстраиваясь, восклицал Андрей.

Урок повторялся сначала.

– Что ты с ним, как с папуасом, – вмешивалась Ника. – Успокойся, придет время, и будешь ты папой. Еще надоест.

– Во-первых, никогда не надоест, – возражал он. – А во-вторых, мы сейчас с ним этого добьемся.

– Па-па, па-па, – продолжал твердить по слогам Андрей.

Сын, покраснев от натуги, задумался, нахмурился и тихо, с большим значением выдохнул:

– Паба!

– Вот видишь, Никуся. С детьми просто нужно как следует заниматься! – ликовал Андрей.

Сева загугукал, засмеялся и, указав на отца пальцем, громко и убежденно изрек:

– Мама.

Андрей расстроился и, махнув рукой, ушел в другую комнату.

Еще сильнее огорчился дедушка. Однажды, когда он явился в гости, Ника застукала его за тем же занятием. Старый инженер со свойственным ему упорством учил внука произносить слово «деда».

Севочка явно решил не разочаровывать дедушку и, широко улыбнувшись, назвал его:

– Кака!

Дедушке это не понравилось, и он расстроился даже больше, чем папа. Севе, наоборот, новое слово, видимо, показалось очень красивым, и он стал приберегать его к приходу любимого деда, слышав голос которого теперь неизменно восклицал:

– Кака! Кака! Кака!

Никин отец обижался до слез, а она смеялась:

– Ну мужики у нас! Что молодой, что пожилой!

Когда Сева пошел, с ним ходила вся семья. Сначала за ручку, а после по пятам, чтобы немедленно подхватить, если он вдруг упадет. Освоив хождение, мальчик везде начал лазать, и если мама и бабушка пытались это ему запретить, опасаясь, как бы не свалился и не расшибся, то Андрей инициативу сына приветствовал и поощрял.

– Пусть развивается и растет настоящим мужчиной.

В ближайший же выходной он купил и смонтировал в комнате сына домашний мини-стадион со шведской стенкой, турником, канатом и кольцами.

– Андрюша, он ведь еще такой маленький, – пыталась сопротивляться Ника. – Пусть сперва окрепнет.

– Я именно и стремлюсь, чтобы Севка у нас вырос крепким и сильным, – не сдавался муж. – Мальчишки должны много двигаться и лазать. Иначе потом тяжело придется. В школе задразнят, если окажется хилым, а уж потом тем более. Я, например, в его возрасте лазал и прыгал, и вот результат. Или я уже тебе разонравился?

– Ну, ты кого хочешь уговоришь! – Никины аргументы были исчерпаны.

– Это у меня профессиональное, – с гордостью отвечал Андрей.

С появлением мини-стадиона Никины дни стали особенно насыщенными. Лазал Сева с восторгом, однако, забравшись на самый верх шведской стенки, мог спокойно разжать пальцы. Несколько раз Ника ловила его буквально в воздухе, и вскоре, едва Андрей уходил на работу, стала занавешивать шведскую стенку тряпкой. Так ей, по крайней мере, было спокойнее, но все равно за сыном требовался теперь глаз да глаз. Ни на минуту без присмотра не оставишь. Мама каждый день приходила помогать. К счастью, она давно уже не работала и с внуком была готова возиться с утра до ночи.

Невзирая на помощь, Ника к ночи с ног валилась от усталости. Впрочем, и усталость эта ей была в радость. Она удивлялась Олеське. Та давно уже скинула своих близнецов на попечение няни и гувернанток. И при этом постоянно жаловалась:

– Вампиры. Чистые вампиры. Никакой жизни нету. Постоянно им что-нибудь от меня надо. А мой, знаешь, что учудил? Требуется третьего спиногрыза завести. Двоих ему мало! Мальчик. Девочка. Полный комплект. У меня и так ни секунды покоя. Сил совсем нету. Да и фигуру портить не хочется. Наконец-то себя в порядок привела. Только вот грудь мне не нравится. Хочу немного увеличить. А то упругости мало. Надо же, дура! Грудью кормила. Сейчас нипочем бы не согласилась. Все нормальные люди кормилиц нанимают.

– Так роди и найми, – советовала ей Ника.

– Ой, нет. Опять все по новой! Представляешь, если опять двойня. Ни за что. Я и своему ответила: если хочешь, рожай, только без меня. Ляпнула, а потом подумала и сама испуга-

лась: вдруг и впрямь где-то на стороне родит? Представляешь, моим потом с этим приبلудным наследство делить.

– Олеся! Что ты мужа раньше времени хоронишь. И дети у тебя еще маленькие.

– Совсем не раньше времени. Потом будет поздно об этом думать. Родит на стороне, полюбит ребенка и большую часть ему отпишет. А я со своими двумя законными локти останусь кусать. Но ничего, я придумала. Говорят, можно воспользоваться услугами суррогатной матери.

– Как это? – спросила Ника.

– Очень просто. Самой мне вынашивать и рожать не придется. У меня возьмут яйцеклетку, оплодотворят ее сперматозоидом моего благоверного и подсадят это бабе, которую мы найдем. Она выносит, родит и нам ребенка отдаст. Он будет совершенно наш – и биологически, и юридически. И мучиться мне не надо, и фигуру не испорчу.

– Не по-человечески как-то, – вырвалось у Ники. – Я еще понимаю, если бы ты сама родить не могла и это был бы для вас единственный шанс. Но ты-то, Олеся, молодая, здоровая. Неужели не хочется своего ребенка самой родить?

– Ага! Жизнью рисковать! Хорошо, нам с тобой повезло. Без проблем отстрелялись. Хотя, вообще-то, у тебя проблемы были. А вот со мной одна рожала, так кровотечение началось, и остановить не смогли. Померла. А вроде тоже была молодая-здоровая. Теперь дитя – сирота, муж – вдовец. Нет уж, увольте. Я так тогда радовалась: сразу двоих, без проблем и больше уже никогда не надо. А мой заладил: давай третьего. Вот ведь зараза, и процесс делания ему нравится, и результат подавай. Я уж предохраняюсь, предохраняюсь и все равно два аборта сделала.

– А он знает?

– Вот еще. Знал бы – убил. Эх, как бы его на суррогатную мать уговорить? Да и дорого. И канители много. В этом плане, конечно, самой проще. Но уж так неохота.

– А я бы с удовольствием, – вздохнула Ника. – Только мне велели теперь несколько лет выждать.

– Счастливая, – искренне позавидовала Олеся. – А у меня ну чисто бык племенной. Нет, я сама на роды пойду только в одном случае. Если мой лыжи налево наострит. Тогда волей-неволей придется семью укреплять.

Ника совершенно не понимала таких отношений в семье. Они с Андреем с первого дня и до сих пор жили, что называется, душа в душу, ничего друг от друга не скрывая, и все проблемы они решали сообща, и взгляды на большинство вещей у них совпадали. Она не только не представляла себе, что можно сделать аборт, у нее в голове не укладывалось, как можно такое сделать, скрывая от мужа! Это ведь сколько придется врать! А потом, это и его напрямую касается. Его ведь ребенок.

И еще меньше она себе представляла, как можно решить забеременеть, если муж, по выражению Олеси, наострит лыжи налево. Во-первых, по отношению к Андрею она вообще себе такого не представляла, в отличие от подруги. В противном случае не говорила бы об этом столь буднично. Но если даже у них с Андреем произошло бы такое, для Ники это бы значило, что любовь его к ней кончилась, и тогда она нипочем не стала бы за него цепляться и тем более «укреплять семью» новым ребенком. Как можно вообще заводить детей от мужчины, который тебя не любит! Детьми не заставишь полюбить себя вновь. Что прошло, то прошло, и ушедших чувств не вернешь, хотя она знала, что так живут многие и при этом вполне довольны и собой, и своей жизнью. Но она, Ника, так бы жить не смогла.

Первое Севино лето они провели на съемной даче. После чего Андрей решительно заявил: нужно строить свою. И довольно быстро нашел участок в уютном, давно обжитом дачном поселке поблизости от Москвы. Всего полчаса езды на машине от Сокольников.

На участке стоял старый двухэтажный дом.

– Чуть-чуть отремонтируем, кое-что немного достроим, и можно жить, – пришел к выводу после осмотра владений Андрей.

На деле это чуть-чуть вылилось в грандиозное строительство. Старый дом перестраиваться категорически не желал. Едва в нем что-нибудь трогали, он в ответ принимался рушиться сам, причем в совершенно другом месте, которое, по замыслу Андрея и Ники, трогать вообще не следовало.

В результате дом оказался полностью перестроенным. Когда все было позади, Андрей посетовал:

– Наверное, дешевле и проще было бы вообще его снести и выстроить новый.

– Теперь уже поздно, – засмеялась Ника. – Но, знаешь, мне так даже больше нравится. Лучше, чем у некоторых наших соседей. Ведь у нас что получилось: с одной стороны дом, в котором хоть круглый год живи, а с другой – все-таки на дачу похоже, а не на тюремный замок из красного кирпича.

– Тут ты права, – согласился муж. – Все хорошо, что хорошо кончается.

Первоначально они планировали летом жить на даче. Однако лето перешло в осень, а перебираться в Москву не хотелось. Сперва они со дня на день откладывали отъезд.

Ника говорила:

– Андрюша, такая погода отличная. Пусть Севка еще побегает.

– Ладно, – соглашался муж. – Но завтра перебираемся.

Однако назавтра сам находил предлог задержаться еще на денек или два. Так минул замечательный солнечный сентябрь, а затем – половина октября, да и ноябрь в тот год выдался хоть и холодный, но не сырой, и Сева возвращался с прогулок с ярким румянцем в пол-лица. И однажды Ника сказала:

– Андрюша, а что мы с тобой вообще мучаемся? Мы разве обязаны жить в Москве? Кто нас заставляет?

– Ну-у... – муж замялся. – Работы, наверное, будет много.

– А в чем проблема? До работы тебе, между прочим, отсюда добираться не дольше, чем из Сокольников. А здесь так хорошо. И дом теплый. И маме ездить к нам через весь город не придется. Им с отцом тоже тут очень нравится. И папа приспособился. Ты его до метро довозишь, а оттуда всего две остановки до его КБ.

– То есть ты хочешь сказать...

– Что мы попробуем тут жить круглый год! – воскликнула Ника. – Сам подумай: и Севе хорошо, и нам.

– Да, в общем, мне тоже так кажется. – Теперь Андрей удивлялся, что столь простое и мудрое решение ему самому не пришло в голову. Почему-то казалось, что зимой обязательно нужно жить в городе. – Никуся, это ведь здорово – остаться тут, – все сильнее захватывала его идея жены. – Приезжаешь с работы, и тишина. И воздух тут великолепный. С Севкой будем ходить в лес. На лыжах его научу. А то теперь в Сокольниках воздух совсем не тот. Машин все больше и больше становится. Пробки. – Глаза у него загорелись. – А ведь тут у нас пруд есть. Если зимой замерзнет, можно на коньках кататься. С Севкой.

– Пусть сперва замерзнет, а там поглядим, – уклончиво отозвалась Ника.

Большие планы Андрея по спортивной закалке сына внушали ей некоторый ужас. Хватит с нее мини-стадиона, который, к счастью, остался в Москве.

Конечно, Андрей и тут уже успел соорудить для сына на участке турник, стенку и горку, но и трехлетний Сева стал, естественно, умнее, и ему уже не приходило в голову отпускать руки на высоте.

– Кстати, горку ледяную зимой зальем, – словно отвечая на ее мысли, сказал муж. – Кататься будем. И Новый год тут устроим – закачаешься.

И они остались. Дружной большой семьей, в которой (редкий случай!) замечательно ужились все три поколения.

Глава 3

Год спустя они снова решили на зиму в город не переезжать, и еще через год, и время летело быстро. Ника с Андреем и не заметили, как вдруг оказалось, что Севе следующей осенью идти в школу.

– Все-таки надо в город перебираться, – вздохнул Андрей. – Водить на машине парня каждое утро на занятия – он измучается. Сейчас такие пробки. Придется вставать рано. Кроме того, я наконец хочу отдать его в какую-нибудь спортивную секцию. Поживем в Москве. Ужасно удобно получается. У нас ведь во дворе хорошая школа. Я узнавал. Преподаватели сильные. То, что надо. А уж на каникулы станем сюда приезжать. Значит, теперь у меня новая задача. За весну и лето привести квартиру в порядок.

До весны и лета было пока далеко, зато до смерти Никиных родителей оказалось очень близко. Отец наконец-то оформил пенсию. Они все его дружно уговорили. Мол, что ты мучаешься. Живи да радуйся. На работу не надо каждый день мотаться. Побереги здоровье. Не мальчик уже.

– Поживем пока все вместе, – сказала родителям Ника. – А когда Севка в школу пойдет и мы в Москву переедем, можете тут оставаться.

– А не захотите, – подхватил Андрей, – поменять вашу квартиру поближе к нам, чтобы вы Севку почаще видели. И вам хорошо, и нам удобно.

В результате решили и квартиру поменять, и на даче жить. Отец вроде был всем вполне доволен. Но, видимо, с уходом на пенсию что-то в нем надломилось, и в августе, на самом исходе лета, он лег спать и не проснулся.

С кончиной отца окончательно ушло Никино детство и ощущение незыблемости мира. И у Никиной мамы мир рухнул. Она за месяц сгорела от рака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.